

никеля, кобальта, цинка, магния, алюминия, бериллия и их сплавов. платины, золота, серебра и других металлов. За годы первых пятилеток сформировалась многоотраслевая цветная промышленность Урала.

Примечания

¹ Бакунин А.В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке. Свердловск, 1968. С. 136.

² Постников С.П., Фельдман М.А. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900–1940 гг. Екатеринбург, 2004. С. 97.

³ Там же.

⁴ Резолюция пленума Уральского обкома ВКП(б). 6–11 октября 1929 г. Свердловск, 1929. С. 70; Резолюция объединенного пленума Уральского обкома и УралоблКК. 26–31 декабря 1929 г. Свердловск, 1930. С. 38.

⁵ Там же.

⁶ Зуйков В.Н. Создание тяжелой индустрии на Урале. 1926–1932. М., 1971. С. 229.

⁷ ГАСО. Ф. 1439. Оп. 1. Д. 238. Л. 113.

⁸ ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 1120. Л. 94, 95.

⁹ Куйбышев В. Второй пятилетний план. Доклад на XVII съезде ВКП(б). 3–4 февраля 1934 г. Свердловск, 1934. С. 48.

¹⁰ Труд. 1932. 14 июля.

¹¹ ГАРФ. Ф. 7679. Оп. 1. Д. 389. Л. 134 об.

¹² Там же. Оп. 4. Д. 5. Л. 23.

¹³ Постников С.П., Фельдман М.А. Указ. Соч. С. 155.

*М.В. Попов
(Екатеринбург)*

Административно-командные методы решения проблемы ликвидации массовой неграмотности взрослого населения деревни в конце 1929 – первой половине 1930-х гг. (на материалах Урала)

Сталинская «революция сверху» предполагала использование элементов государственного принуждения в ходе преобразований во всех сферах общественной жизни, в том числе в сфере культуры. В огромной степени это коснулось деревни в конце 1929-го – первой половине 1930-х гг., когда началась насильственная коллективизация. Одним из направлений модернизации культурной жизни на селе в этот период была ликвидация массовой неграмотности взрослого населения.

Решение этой проблемы получило освещение в ряде работ отечественных историков¹. Однако, административно-командные методы, которые стали применяться партийно-советским руководством в деревне в конце 1929 г. в культурных преобразованиях требуют специального изучения. Тема эта актуальна на современ-

ном этапе, когда наметился отказ от тотального государственного-бюрократического регулирования общественных процессов.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., грамотных на селе в возрасте от 9 до 49 лет, проживавших на территориях областей и республик, входивших позднее в уральский регион было: в Свердловской области – 55,6 %, в Пермской области – столько же, в Челябинской – 48,2 % и в Оренбургской – 48,0 %. В Башкирии грамотность сельских жителей этой возрастной категории составляла 42,9 %, а в Удмуртии – 45,1 %².

Начавшаяся осенью 1929 г. сталинская массовая коллективизация явилась событием, сыгравшем решающую роль в развитии советской деревни на протяжении длительного периода. В 1930-е гг. сельскохозяйственное производство индивидуальных крестьянских хозяйств было заменено колхозно-совхозным производством.

В официальной пропаганде одним из доказательств «преимущества» колхозной системы было утверждение о том, что колхозники в силу специфики потребностей колхозного производства объективно должны иметь более высокий общеобразовательный и общекультурный уровень, чем крестьяне-единоличники. Если говорить о производственном активе, специалистах, обслуживающих сельскохозяйственную технику, организаторах производства, то данное положение не вызывает сомнения.

Однако основной массой неграмотных были «пассивные» группы населения – женщины, представители старшего поколения, жители отдаленных сел и деревень. Как «приобщить» к культуре эти группы населения в условиях ухудшавшегося материального положения советской деревни? Иного пути, кроме применения командно-административных методов, не было. Переход к командно-административной системе с конца 1920-х гг. означал и изменение форм и методов государственной политики в сфере культуры, в том числе в ликвидации неграмотности взрослого населения.

В октябре 1929 г. Совнарком РСФСР принял постановление о создании чрезвычайных органов руководства работой по обучению взрослого неграмотного и малограмотного населения – особых комиссий по ликбезу (ВЧК ликбеза)³. Такие комиссии функционировали в Уральской и Вотской (Удмуртской) областях, в Оренбургском округе, в Башкирской АССР. В значительной мере создание особых комиссий по ликбезу означало возвращение к чрезвычайным методам руководства периода «военного коммунизма». Комиссии применяли практику «мобилизации» грамотных людей для использования их в качестве преподавателей школ взрослых. Комиссиями разрабатывались единые и обязательные для всех общественных организаций планы обучения взрослого неграмотного населения. 20 января 1930 г. в постановлении «Об особых местных комиссиях по

ликвидации неграмотности и малограмотности» ВЦИК и СНК РСФСР отметили, что особые комиссии организуют работу всех организаций на основе единой кассы, куда входят средства всех общественных организаций, в том числе и профсоюзов⁴.

Следует отметить, что постановление лишь подтвердило функции особых комиссий и конкретизировало их. Между тем некоторые исследователи утверждают, что этим постановлением было впервые указано местным советам необходимость создания этих комиссий⁵.

В свою очередь, общественные и хозяйственные организации приняли решения о выделении средств в пользу особых комиссий по ликбезу. Так, в Вятской области в 1929/30 уч. г. кооперация и профсоюзы обязались выделить на обучение взрослого неграмотного и малограмотного населения 15 % своих культурных фондов⁶. В Уральской области в этом году доля средств кооперации в общей сумме затрат на ликвидацию неграмотности составила 20 %, а профсоюзов – 30 %⁷. В Башкирии в 1930 г. хозяйственные органы обязались отчислить на ликбез в фонд особой комиссии 20 % культфонда⁸. Для деревни это имело большое значение, так как именно в сельскую местность особые комиссии в централизованном порядке направляли большую часть имеющихся денег.

В организации обучения взрослого населения особые комиссии пытались действовать чрезвычайными административными методами. Так, председатель Уральской областной комиссии по ликбезу В.Н. Мочалов предлагал предоставить право местным Советам мобилизовать для ликпунктов дома крестьян; для лиц, не посещавших занятия, устанавливался штраф 25 рублей⁹. Руководители особых комиссий исходили из установок партийных и советских органов. Так, ЦИК и СНК Башкирской АССР приняли решение о привлечении лиц, «уклоняющихся от ликвидации своей неграмотности к административной ответственности, меру ее возложив на Советы...»¹⁰ В июне 1931 г. бюро Вотского обкома ВКП(б) предложило советским органам привлекать колхозников на ликпункты в обязательном порядке под угрозой административного взыскания¹¹.

Создание особых комиссий по ликбезу на всех уровнях - областных, окружных, районных – вплоть до уровня сельсовета позволило применять командно-административные методы для организации обучения в самых удаленных уголках, в первую очередь в сельской местности. Вот пример деятельности ВЧК ликбеза в Мужевском сельсовете Ямало-Ненецкого округа, который входил тогда в состав Уральской области. Подробный отчет о ее деятельности сохранился в архиве. В комиссию входило 7 человек сельских активистов, пятеро из которых было служащими, членами ВКП(б) и ВЛКСМ. Составленный по заданию райкома комсомола в декабре 1929 г. план охвата обучением неграмотных в начале 1930 г. под

нажимом приехавшего уполномоченного райкома партии Дронзи-кова был значительно увеличен: вместо 49 неграмотных было предложено обучить 146 человек. Для обучения было мобилизовано 48 культармейцев. В случае отказа грамотных принимать участие в культармии, каждый отказавшийся должен был выплатить в фонд ликбеза 5 рублей. Финансовая секция Мужевской сельской комиссии по ликбезу путем постановки платных спектаклей, пожертвований и взысканий с культармейцев собрала на нужды ликбеза 265 рублей. Культурно-просветительной секцией особой комиссии по ликбезу с 8 октября 1929 г. по 19 апреля 1930 г. было проведено 19 разъяснительных бесед с неграмотными о необходимости учиться. Однако в отчете комиссии отмечается, что несмотря на агитацию за ликбез «...положительных результатов в смысле привлечения не добились». В материалах Мужевской комиссии по ликбезу указывается, что культармейцы аккуратно давали отчет о проделанной работе, где отмечалось, что неграмотные успешно проходят обучение. Однако при проверке, проведенной бригадой из района выяснилось, что учителя-общественники занимались с неграмотными 2–3 раза и после этого рапортовали о том, что обучаемые овладели грамотой. Более того, в начале февраля 1930 г. многие ученики по различным причинам (например, уход на лесозаготовки) стали бросать занятия¹².

Подобная картина была типична, и поэтому в начале 1930-х гг. в ряде районов принимались решения о привлечении неграмотных на ликпункт под угрозой штрафа. Характерно, что когда начался временный отток крестьян из колхозов, многие из них одновременно бросали учебу на ликпунктах. В апреле 1930 г. культпросветотдел Уралобкома ВКП(б) обратился с письмом в окружкомы партии. Отмечая случаи многочисленного ухода с ликпунктов, культпропотдел потребовал усилить разъяснительную работу среди крестьянства о необходимости обучения грамоте¹³. Однако именно весной-летом 1930 г., когда выход крестьян из колхозов был массовым, массовым было и оставление ими школ грамоты. По сведениям особых комиссий по ликбезу Башкирии и Уральской области, работа по обучению взрослого населения в весенне-летний период 1930 г. ухудшилась, значительно уменьшился охват неграмотных и малограмотных обучением¹⁴.

Если крестьяне отказывались посещать школу грамоты, они могли быть оштрафованы, подвергнуты общественному осуждению, а вот агитация против посещения ликпунктов средствами массовой информации и властями расценивалось как проявление классовой борьбы. Так, в Шатровском районе Уральской области на общегражданских собраниях некоторые крестьяне убеждали неграмотных не посещать ликпункты, считая, что учеба отвлекает их от производ-

ственной деятельности: «Отцы, деды не учились – прожили неграмотными не хуже нас, и мы проживем». Подобные утверждения были проявлением отсталости во взглядах на необходимость образования. прежде всего старшего поколения, однако местным руководством эти высказывания были охарактеризованы как кулацкие, враждебные советской власти, а те, кто высказывался подобным образом, были объявлены «кулаками»¹⁵. В условиях сталинского режима любое несогласие с политикой властей расценивалось как проявление классовой борьбы, что давало основание для обвинений во «враждебной деятельности».

Что касается ликвидации неграмотности, то в официальной пропаганде утверждалось, что кулачество заинтересовано в сохранении культурной отсталости основной массы крестьянства. «Кулак чувствует, что ликпункты готовят его могилыщиков. Именно поэтому кулачество оказывает бешеное сопротивление разворачиванию работы по ликвидации неграмотности», – писала в феврале 1930 г. в передовой статье газета «Уральский рабочий»¹⁶. Таким образом, большевистское руководство могло объяснить многие трудности и проблемы, связанные с обучением взрослого населения, происками классовых врагов. Спекуляция на подобном понимании «классовой борьбы» давала основание и для применения насилия в культурных преобразованиях.

В то же время недовольство крестьянства насилием и производом, имевшим место во время проведения коллективизации, в отдельных случаях относились и к просвещенцам, в том числе к преподавателям школ грамоты для взрослых, которые, будучи сельскими активистами, принимали участие в раскулачивании, хлебозаготовках, других хозяйственно-политических кампаниях.

С конца 1929 г. охват обучением взрослых на Урале значительно увеличился. Так, в Уральской области в декабре 1929 г. обучалось 388 тыс. неграмотных и малограмотных, а к апрелю 1930 г. уже 651 тыс.¹⁷ В Оренбургском округе в 1928/29 уч. г. обучением было охвачено 20,2 тыс. неграмотных, а в 1929/30 уч. г. – уже 44,6 тыс.¹⁸ В Башкирской АССР в 1929 г. было обучено 40 тыс. неграмотных и 6 тыс. малограмотных, а в 1930 г. – 146,3 тыс. неграмотных и 14,1 тыс. малограмотных¹⁹. Количество обученных и обучавшихся увеличивалось, в первую очередь, за счет крестьянства, которое с началом коллективизации было в массовом порядке привлечено на ликпункты.

Примечания

¹ Куманев В.А. Революция и просвещение масс. М., 1973.; Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.). Свердловск. 1970.; Волков С.М. Из истории борьбы партийных организаций Уральской области за грамотность взрослых (1928–1932 гг.) // Уч. зап. Перм. Ун-та. Пермь, 1971. № 260 и т. д.

- ² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 323. Л. 5; Д. 331. Л. 5; Д. 334. Л. 5; Д. 336. Л. 5; Д. 350. Л. 5.
- ³ ВКП(б), Советская власть, комсомол и профсоюзы о культурном строительстве: Сб. документов. М., 1930. С. 343–344.
- ⁴ Директивы и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917–1947 гг. М.; Л., 1947. Вып. 2. С. 132.
- ⁵ См. Куманев В.А. Социализм и всенародная грамотность. М., 1967. С. 239; Кольцов А.В. Культурное строительство в РСФСР в годы первой пятилетки (1928–1932). М., 1960. С. 2 и т.д.
- ⁶ Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИУР). Ф. 16. Оп. 10. Д. 236. Л. 129.
- ⁷ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 233. Оп. 1. Д. 786. Л. 11. 22.
- ⁸ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИАРБ). Ф. 798. Оп. 1. Д. 2329. Л. 94.
- ⁹ ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 3014. Л. 142.
- ¹⁰ Хозяйство Башкирии / 1930. № П–12. С. 156.
- ¹¹ ЦДНИУР. Ф. 16. Оп. 11. Д. 24. Л. 177.
- ¹² Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа (ГЯЯНО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 263. Л. 10–11.
- ¹³ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 8. Д. 656. Л. 33.
- ¹⁴ ГАСО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 1500. Л. 87; ЦГИАРБ. Ф. 798. Оп. 1. Д. 232. Л. 94.
- ¹⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1066. Л. 52.
- ¹⁶ Уральский рабочий. 1930. 2 февр.
- ¹⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 666. Л. 128.
- ¹⁸ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННОО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 77. Л. 45.
- ¹⁹ ЦГИАРБ. Ф. 472. Оп. 3. Д. 849. Л. 3.

Е.П. Постникова
(Екатеринбург)

Дизайн как фактор гуманизации общества

Гуманизация материального мира, упорядочение его в соответствии с этическими и эстетическими нормами данной эпохи является, наряду с коммерческой составляющей, главной целью дизайнерской деятельности.

В современных условиях любая деятельность так или иначе связана с общечеловеческими (глобальными) проблемами: сохранение природной среды, жизни на Земле, развитие культуры. Но зачастую эти глобальные идеи не проецируются в плоскость реальных мероприятий. Только с осознанием того, что любая дизайнерская разработка имеет определенные последствия в социальном и экологическом отношении, можно добиться конкретного решения общечеловеческих проблем современности, создания эстетически гармонизированного мира.